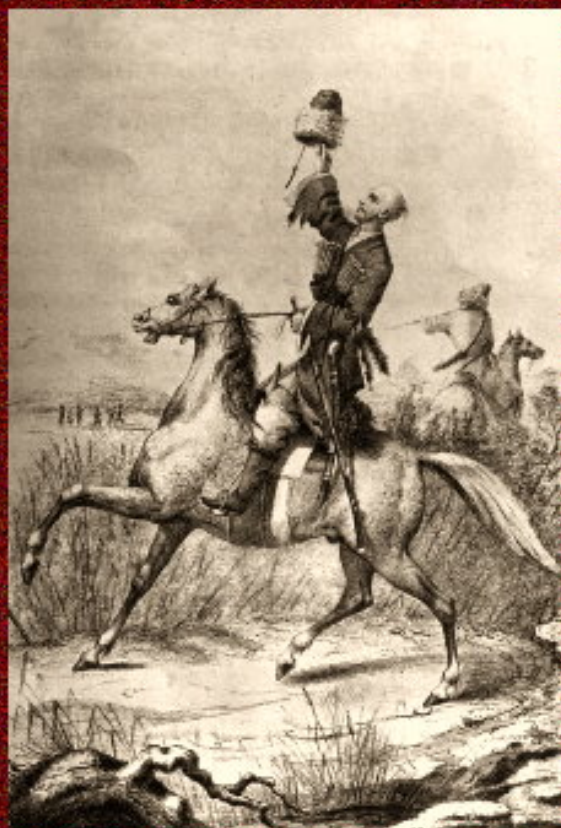

[Polaris]

Н. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

**КОРМИЛО
КОРМЧЕМУ**

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXXV

Salamandra P.V.V.

**Николай
ЧЕРНЫШЕВСКИЙ**

**КОРМИЛО
КОРМЧЕМУ**

Salamandra P.V.V.

Чернышевский Н. Г.

Кормило кормчему. – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 50 с.
– (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СХХV).

В книгу вошла научно-фантастическая диалогия Н. Г. Чернышевского «Кормило кормчему» и «Знамение на кровле» – пророческое произведение о судьбах Кавказа, изобретении оружия массового уничтожения (описанные здесь чудовищные бомбы, «Потрясатели земли», близко напоминают ядерные), поражении России в грядущей «гонке вооружений» и гибели Москвы и Петербурга. «Сильный оружием вскоре разорится» – предупреждает автор. В приложении – посвященная диалогии статья Я. А. Гордина.

© Y. Gordin, статья, 2016

© Salamandra P.V.V., подг. текста, оформление, 2016

КОРМИЛО КОРМЧЕМУ

(Перевод с татарского)

ГЛАВА 1

1. Во дни Абд-Эль-Кадера и маршала Бюжо был в Алжирии, в горах Джурджурских, человек угодный богу. И имя ему было Махмуд-Абу-Джафар-Ибн Мустафа. (2) И жил он в горах Джурджурских с отцом своим Мустафою и сыном своим Джафаром. (3) И был отец его Мустафа старец, исполненный долгою днью; и занимался богомыслием, земные же дела оставил. (4) И занимался ими сын его Махмуд-Абу-Джафар. И продавал Абу-Джафар втайне водку правоверным; въяве же, — девушек Джурджурских французским офицерам. (5) И ездил он в Алжир; и был угоден маршалу Бюжо. И ездил в смалу Абд-Эль-Кадера; и был угоден Абд-Эль-Кадеру. (6) И был он по званию марабут: и потому прозвали его марабут Абу-Джафар Продажная душа. (7) И было ему с отцом его Мустафою, и сыном его Джафаром, и всем домом его. (8) Потому что был он угоден Абд-Эль-Кадеру, и угоден маршалу Бюжо. И творил добро и был угоден Богу.

9. И по днях маршала Бюжо настали дни герцога Омальского. И генерал Ламорисьер взял в плен Абд-Эль-Кадера. (10) И не стало в Алжирии вождя правоверных, чтобы быть Абу-Джафару угодным вождю правоверных. А гяурам стало не нужно, чтобы Абу-Джафар был угоден им. (11) И восплакал Абу-Джафар плачем великим, с отцом своим Мустафою и сыном своим Джафаром, и всем домом своим.

12. И исполнились дни отца его Мустафы в плаче том, от печали великой; и умер Мустафа. (13) И оплакал Абу-Джафар смерть отца своего, и предал земле тело его, и перестал плакать об отце своем. (14) И продолжал плакать с сыном своим Джафаром и всем домом своим от печали великой, что нет в Алжирии вождя правоверных, чтобы быть угодным вождю правоверных; а гяуры говорят: «нет нам надобности, чтобы ты был угоден нам».

15. И по немногих днях явился ему ночью в видении сна отец его Мустафа, и сказал: (16) «Восстань от гор Джур-

джурских, и иди в страну Восточную, в горы Кавказские. (17) Есть там вождь правоверных и воюет с гяурами. И благо тебе будет в горах Кавказских, и сыну твоему Джафару». (18) И возбудившись от сна, поведал то Абу-Джафар сыну своему Джафару, и возрадовались оба радостью великою.

19. И продал Абу-Джафар французским офицерам жен своих, и жен сына своего Джафара, и других домочадиц молодых своих; (20) а старым домочадицам своим и всем домочадцам своим дал по гяурской монете в пять франков, каждой старой домочадице и каждому домочадцу дал монету в пять франков; и отпустил их с миром. (21) Потому что был Абу-Джафар человек угодный Богу, и творил добро.

22. И восставши с сыном своим Джафаром из гор Джурджурских, пошел в страну Восточную, на Кавказ. (23) И пришел с сыном своим Джафаром в горы Кавказские и поселился там.

24. И были на Кавказе дни Шамиля, и дни князя Воронцова. (25) И стал Абу-Джафар втайне продавать водку правоверным; въяве же девушек кавказских русским офицерам. (26) И ездил он в Тифлис, и был угоден князю Воронцову; и ездил в Гуниб к Шамилю, и был угоден Шамилю. (27) И благо ему было в горах Кавказских, лучше прежнего в горах Джурджурских, и сыну его Джафару. И купил себе новых жен, лучше прежних; и домочадиц молодых новых, лучше прежних, и больше числом. И сыну своему Джафару. (28) Потому что был он угоден Шамилю и угоден князю Воронцову. (29) И творил добро, и был угоден Богу.

ГЛАВА 2

1. И в двадцатое лето дней Шамиля, и в десятое лето дней князя Воронцова, в месяце Шеввале, в первый день месяца, в праздник Великого Байрама, в первый день праздника, в седьмой час дня, пришел Абу-Джафар в Гуниб во двор Шамилев, и сын его Джафар с ним; и рукописание в руке сына его Джафара. (2) И стал Абу-Джафар во дворе Шамилевым, посреди двора; и возопил Абу-Джафар голосом великим:

3. Услышь, о Шамиль Гимрийский, и услышьте, наибы Шамилевы и мюриды его, и весь народ.

4. Я, марабут Махмуд Абу-Джафар Ибн-Мустафа Джурджурский, человек угодный Богу. (5) И жил я в стране Западной, в горах Джурджурских, и был я угоден Абд-Эль-Кадеру. (6) И по слову отца моего Мустафы, бывшему ко мне ночью в видении сна, восстал я от гор Джурджурских, от страны Западной, и пошел в страну Восточную, на Кавказ. (7) И живу в горах Кавказских, и угоден я Шамилю. (8) И вот, пришел я во двор Шамилев в Гуниб, и стал во дворе Шамилевым, посреди двора; и сын мой Джафар со мною. (9) И стою я посреди двора Шамилева и сын мой Джафар стоит при мне, и рукописание в руке Джафара. (10) И истинно слово мое.

11. И вышел Шамиль, и вышли наибы Шамилевы и мюриды его, из дому его, на средину двора его. И сошелся весь народ: (12) Кумыки, и Казы-Кумыки, и Авары, и Мизджехи, называемые Чеченцы, собравшиеся на праздник Великого Байрама в Гуниб, многое множество народа. (13) И стал народ окрест мюридов, и мюриды окрест наибов, и наибы окрест Шамиля, и Абу-Джафара, и сына его Джафара. (14) И стал Абу-Джафар перед Шамилем, и сын его Джафар, и рукописание в руке Джафара. (15) И возопил Абу-Джафар голосом великим:

(16) Я, марабут Абу-Джафар Джурджурский, человек угодный Богу. Истинно слово мое. (17) И сын мой Джафар

стоит при мне, свидетель мой, и рукописание в руке Джафара.

18. Было мне, Абу-Джафару, видение сна. Явился мне ночью в видении сна Казы-Муллы и сказал: (19) Абу-Джафар, человек угодный Богу, выслушай слово мое. И да напишет сын твой Джафар слово мое к тебе, по слову твоему, и будет свидетель твой. (20) И иди в Гуниб во двор Шамилев, и сын твой Джафар с тобою, свидетель твой, и рукописание в руке его. (21) И стань во дворе Шамилеве на праздник Великого Байрама, в первый день праздника, и поведай Шамилю и наибам Шамилевым, и мюридам его, и всему народу слово Казы-Муллы, что прочел я, Казы-Муллы, в книге судеб.

22. И возопил Абу-Джафар голосом великим:

23. Слово Казы-Муллы к Абу-Джафару и слово Абу-Джафара к Шамилю, и наибам Шамилевым, и мюридам его, и всему народу по слову Казы-Муллы ко мне.

ГЛАВА 3

1. И возопивши, возопил Абу-Джафар голосом великим, великим: Слово Казы-Муллы о судьбе Кавказа, как написано о судьбе Кавказа в книге судеб.

2. Будут дни Шамиля; и во дни Шамиля сокрушится Кавказ. Будут дни Князя Воронцова и во дни князя Воронцова сокрушится Кавказ.

3. Не от князя Воронцова сокрушится Кавказ. Но будет во дни князя Воронцова Пожиратель Книг; и не от Пожирателя Книг сокрушится Кавказ. (4) Но будет во дни князя Воронцова Сейсмот Хадергет; и от Сейсмота Хадергета сокрушится Кавказ.

5. И написано о том в книге судеб так:

6. Во дни Махмуда Стамбульского и Мегемет-Али Каирского родится в самом большом городе на самой большой из гяурских рек дитя мужского пола, не умеющее читать. И назовут имя ему: Пожиратель Книг.

7. И прежде, нежели выучится дитя ходить, выучится оно читать. Трудно для веры людей слово то. Но истинно.

8. И выучившись читать, будет читать. (9) И по мере возрастания своего, будет все больше заслуживать данное ему имя: Пожиратель книг.

10. И изучит семьдесят семь глупых наук, и семьдесят семь пустых наук. А для отдыха, будет читать. (11) Потому что такова воля Божия, чтоб у гяуров было 77 глупых наук и 77 пустых наук; и чтоб это дитя по мере возрастания изучило их все. (12) Потому что велика немилость Божия к гяурам, и велик его гнев на Пожирателя Книг. (13) Потому что от этого гяура будет много вреда правоверным.

14. И когда он изучит 77 глупых наук и 77 пустых наук, начнет он изучать 77 хороших наук. И в это время начнут пробиваться у него усы. (15) Потому что такова воля Божия, чтобы нельзя было гяурам изучать никакой хорошей науки прежде, чем начнут пробиваться усы; и то редко бывает, чтобы добивались гяуры до таких наук так рано. (16)

И изучивши 77 хороших наук, выберет он из них семь, чтобы заниматься дальнейшею разработкою их. (17) И выбравши, станет разрабатывать их; а для отдыха будет читать всякие книги, по-прежнему.

18. И когда кончит писать семь томов сочинения по одной из семи наук, начнет писать сочинение в семь томов по другой. И в это время будет читать для отдыха 23-й том первой серии Энциклопедии Эрша и Грубера. (19) Потому что такова воля Божия, чтоб был на свете человек, который читал бы для отдыха Энциклопедию Эрша и Грубера от доски до доски. (20) И что такое Энциклопедия Эрша и Грубера, не толкуется в книге судеб, и неизвестно никому на небесах; (21) потому что такова воля Божия, чтобы не было то известно никому на небесах.

22. И когда он прочтет для отдыха 123 тома Эрша и Грубера, близка будет погибель правоверных на Кавказе. Потому что по прочтении ста двадцати трех томов Эрша и Грубера мало уж останется вышедших томов той Энциклопедии для прочтения в отдых Пожирателю Книг. (23) И будет то около праздника Великого Байрама в двадцатое лето дней Шамиля. (24) И пришло время то. И близка погибель Кавказа.

25. Потому что уж немного остается вышедших томов Эрша и Грубера для прочтения в отдых Пожирателю Книг. (26) И прочитавши все, которые вышли, он вздумает, в ожидании следующих читать для отдыха интегралы. (27) И что такое интегралы, не истолковано в книге судеб и неизвестно никому на небесах, потому что такова воля Божия.

28. И когда прочтет для отдыха интегралы, станет он больше прежнего думать о механике. И механика толкуется в книге судеб: столпотворение Вавилонское.

29. И будет он думать так: мало у людей силы, чтобы делать столько работы, сколько нужно. (30) И у скота их мало силы; и дорого стоит содержать скот. (31) И выдумали люди пар, чтобы работать; и мало силы у пара, и дорого стоит топливо, чтобы делать пар. (32) И потому не могут люди наработать себе ничего столько, сколько нужно. И потому живут скудно.

32. И напрасна мысль эта, написано в книге судеб. Потому что написано в книге судеб:

33. Не потому бедность между людьми, что мало у них силы на работу, а потому, что нет правды между людьми.

(34) И пока не будет правды между людьми, не поможет людям ничто.

ГЛАВА 4

1. Нет правды в стране гяуров. (2) И пока не будет правды в стране, бедно будут жить люди страны той. Так написано в книге судеб.

3. Но не читал Пожиратель Книг Книгу судеб и не знает, что написано в книге судеб. И напрасны мысли его:

4. И мысли его: мало у людей силы работать; и у скота их; и у паровых машин их. И дорого стоит работа. И оттого бедность между людьми. И много силы у рек, и у моря, и у солнца. И сила та даром. И если брать силу у них на работу, будет работы, сколько нужно; потому что у них много силы. И работа их даром. И можно будет людям делать все, что нужно.

5. И надобно, чтобы была такая машина, которая брала бы всякую силу на земле, и в воде, и в воздухе, и в небе, всякую большую силу, которая даром. Таковы мысли Пожирателя Книг. И прочитавши интегралы, будет он думать о той машине больше прежнего; и будет думать о ней правильно. Потому что правило тому в интегралах.

6. И выдумает он такую машину. И можно будет делать ее такой силы, какой угодно. И работа ее даром.

7. И годится она для всякой работы, и большой и малой. И малая работа ей: варить, и печь, и прясть, и ткать, и шить; и строить дома и топить; и возить людей; и возить товары; и пахать землю; и сеять, и жать, и собирать хлеб.

8. И побольше малой, но не большая работа ей: строить дороги, и проводить каналы; и поправлять реки; и проводить канавами и ручьями и реками воду для поливания полей; и отводить воду канавами и реками, чтоб не было болот, и не было болезни от болот; потому что всякая болезнь от болот; и чтобы не было болезни — и то побольше малой, но не большая работа машине той.

9. И большая работа ей: чтобы не было ни песчаных степей, ни соленых пустынь, никакой бесплодной земли на лице земли; покрывать лицо земли плодородной зем-

лей; и делать равнины и долины, как нужно, и холмы и горы, как нужно; и бросать воду под облака дождем, и орошать землю дождем; и сосать воду из облаков, чтобы не было лишнего дождя; и дуть ветром, как нужно, и ставить до облаков загородки от ветра; и делать ветер, и тихую погоду, как нужно; и наводить облака; и разгонять облака, чтоб был вид земли, какой нужно, и почва земли, какую нужно, и дождь и ясная погода, как нужно.

10. И подумает Пожиратель Книг: вот и будет все, как нужно людям, и будет всего у людей сколько нужно; и будут люди жить хорошо, от работы этой машины; и будет имя этой машине Эвергет. — И толкуется Эвергет по разумению гяуров: благодетель; и толкуется по книге судеб: добрая работа.

11. И сделает Пожиратель Книг чертеж Эвергета; и отдаст чертеж.

12. И возьмут чертеж Эвергета и спрячут ото всех. И начнут делать три бомбы; каждую бомбу в сто миллионов пудов. И толкуется то: вес Сиона. И будут делать их в тайне.

13. И вид той бомбы: огромность горы; и крепки стены ее, как врата ада; и сила воспламенения ее, как сила пламени геенны.

14. И сделают три бомбы. И тогда по чертежу Эвергета сделают машину такой меры, чтоб она бросала ту бомбу на тысячу верст в высоту; и толкуется то: сто высот облаков и выше того. И будут делать машину ту с катапультию; и толкуется то: рукоять, и на рукояти ложка, и ложка та для бомбы, и рукоять та вертится. И будет то машина не для работы; будет то машина для бросания бомбы. И будут делать ее в тайне.

15. И сделавши машину откроют; и скажут: имя этой машины Сейсмот; и толкуется то по разумению гяуров: Потрясатель земли; и толкуется то по Книге судеб: магер-шалал; и толкуется то: сильное оружие. — И откроют бомбы и пустят машину заводить пружины, и охватят пружины одну бомбу, и будут подымать бомбу на катапультию.

16. И увидев то, и услышав то, вострепещут народы и скажут в сердцах своих: На кого та бомба? Горе стране той, на которую та бомба!

17. И посыплет пеплом голову свою Пожиратель Книг, и възрыдает, и скажет: не сделан Эвергет, вместо Эвергета сделан Сейсмот, и да будет проклят Сейсмот и да будет имя ему Хадергет. И толкуется то по разумению гяуров: Деятель геенны; и толкуется то по книге судеб: Хаз-Базо. И толкуется то: Сейсмот Хадергет потрясатель земли силою геенны, и толкуется то Магер-Шалал-Хаз-Базо, Сильный оружием вскоре разорится.

18. Так написано в книге судеб: Магер-Шалал-Хаз-Базо, Сильный оружием вскоре разорится.

ГЛАВА 5

1. И возопивши, возопил Абу-Джафар голосом великим: Потрясатель земли силою геенны, Сильный оружием вскоре разорится; так написано в книге судеб.

2. И откроется народам Сейсмот и будет подымать на себя бомбу, и положит на себя, на катапульту. И начнет Сейсмот заводить пружину катапульты. И будут трепетать народы.

3. И заведется пружина катапульты и спустится; и взмахнется катапульта, и полетит бомба. И будут смотреть народы, куда полетит бомба. Горе стране той!

4. И поднимется бомба на тысячу верст в высоту и полетит на Кавказ. Горе Кавказу, горе!

5. И возопил Абу-Джафар и возопивши возопил голосом великим: Горе Кавказу, горе!

6. Потому что с тысячи верст высоты упадет бомба на Эльбрус. И пробьет Эльбрус до основания. И великое землетрясение будет по всему Кавказу. И десятая часть людей на Кавказе погибнет в расщелинах и под обрывами скал.

7. Велико горе Кавказу от падения бомбы. И от взрыва ее гибель.

8. Взорвется бомба под Эльбрусом, под основанием Кавказа, и разнесет Кавказ; от моря до моря весь разнесет его на все четыре ветра небес — в море и в море, и на север и юг разнесет она Кавказ обломками скал. И в этом взрыве и падении раздроблено будет в щепки всякое дерево, бывшее на Кавказе, и стерто будет с пылью в грязь всякое живое тело, бывшее на Кавказе, от человека до мухи и до блохи.

9. Так написано в книге судеб. Горе Кавказу, горе! — и возопивши возопил Абу-Джафар голосом вопля великим, великим: Горе Кавказу, горе! Так написано в книге судеб.

10. И стояли наибы и мюриды, и плакали. И весь народ.

ГЛАВА 6

1. И возопил Абу-Джафар: Горе Кавказу, горе! Так написано в книге судеб. (2) Но милосерд Бог и милостив. И пошлет Бог спасение Кавказу. И спасение то будет баран.

3. Войдет баран во двор Шамилев в Гунибе и влезет на кровлю дома Шамилева, (4) и заблеет баран по-козлиному, и спасется Кавказ.

5. Потому что будет то весть от Бога Кавказу: стал Пожиратель Книг читать для отдыха интегралы и скоро выдумает Эвергета. (6) И не сделают гяуры Эвергета, сделан будет гяурами Хадергет. (7) Потому что так написано в книге судеб: заблеет баран по-козлиному, и будет знамение Кавказу о Пожирателе Книг. (8) Потому что баран символ качеств души Пожирателя Книг, голос же у этого гяура козлиный. Так написано в книге судеб.

9. И явится на кровле дома Шамилева знамение того гяура, и услышит народ козлогласование его и поймет Кавказ: близка гибель Кавказу от Потрясателя Земли. (10) И смирится Кавказ, и спасется Кавказ. Так написано в книге судеб. (11) И возопил Абу-Джафар: Так написано в книге судеб! (12) И возопивши возопил голосом великим: Смирится Кавказ, и спасется Кавказ!

13. И плакали наибы и мюриды, и говорили: «Увы, если не смирится, сокрушится Кавказ. Увы нам, ах!» — И плакали плачем великим. И весь народ. (14) И возопил народ, и мюриды, и наибы возопили: Так написано в книге судеб: Смирится Кавказ, и спасется Кавказ.

15. И возопили воплем великим, как рев моря в плеске бури волнами о скалы Кавказа: Смирится Кавказ, и спасется Кавказ! Так написано в книге судеб. И смиримся, и спасемся.

ГЛАВА 7

1. И сказал Шамиль наибам своим, и мюридам своим, и всему народу: — Кто вам сказал это?

2. И сказали все: — это сказал марабут Махмуд Абу-Джафар Ибн-Мустафа Джурджурский, человек угодный Богу. (3) И свидетель Абу-Джафару сын его Джафар; и рукописание в руке Джафара.

4. И сказал Шамиль: — Как же по прозванию этот марабут Махмуд?

5. И сказали все: — По прозванию он марабут Абу-Джафар Продажная Душа.

6. И сказал Шамиль: — Он человек угодный Богу; Богу ли только? Может быть, еще кому-нибудь?

7. И сказали все: — Он также угоден тебе, Шамиль.

8. И сказал Шамиль: — Мне он угоден, это точно. Но мне ли только?

9. И сказали все: — Нет, не тебе только; и князю Воронцову также.

10. И сказал Шамиль: — Хорошо. Он угоден и мне, и князю Воронцову. Одному бы кому из нас, еще годилось бы куда-нибудь. А то, угоден обоим нам. Как же может он быть угоден Богу? — И сами вы говорите: по прозванию он Продажная Душа. — Понимаете, как вышло дело?

11. И сказали все: — Чего тут не понимать! Князь Воронцов подкупил его сказать так. И слово его лживое. (12) И выхватили пашки наобы, и мюриды, и весь народ изрубить Абу-Джафара и сына его Джафара в мелкие куски.

13. И сказал Шамиль: — Младшему обманщику хорошо будет так; этого наказания довольно с него, потому что он лишь подговорен отцом. А старшему обманщику мало такого наказания. Сделайте вот так: возьмите большое бревно, толстое; и расколите вдоль, и выдолбьте; и вложите лживого пророка в это дерево и возьмите пилу; и распилите его.

14. И сказал Абу-Джафару: — А пока готово будет дерево, в котором пилить тебя, иди за мной.

15. И повел Шамиль Абу-Джафара в дом свой. (16) А Джафара изрубили мюриды в мелкие куски; и рукописание с ним.

ГЛАВА 8

1. А Абу-Джафара Шамиль ввел в дом свой, в особый покой дома своего. (2) И дрожал Абу-Джафар, как дрожит лист осины в лесах гяуров; и был синий, как лед в ледниках Эльбруса. (3) И затворил Шамиль дверь покоя особого своего за собой и Абу-Джафаром; и поставил у двери Арслан-бей.

4. И был наиб Арслан-бей мюрид из мюридов; и один из наибов и мюридов не восплакал и не сказал: «смиримся и спасемся», когда восплакали все и сказали то. (5) И был Арслан-бей головой выше всех мюридов; и воин сильный перед Богом. (6) И была праведна душа его, и не было коварства в сердце его, и не было обмана на языке его. (7) И добрый был человек Арслан-бей; и видна была доброта его на бесстрашном лице его.

8. И поставил Шамиль наиба Арслан-бея на страже у двери покоя особого своего, а сам затворился с Абу-Джафаром, и сказал Абу-Джафару:

9. Марабут Абу-Джафар, ты мерзавец; ты хуже пса; и душа твоя грязнее нечистого тела свиньи. Но ты марабут. Как допускает Бог таких людей быть марабутами, я не знаю. Но такова воля Божия. — Знаю я, недорого купить тебя на всякое подлое дело. Но не подкуплен ты князем Воронцовым на такой совет. Сколько ни давать тебе, чтобы ты устраивал мир, ты будешь расстраивать мир. В том твоя выгода, чтобы не было мира. И знал ты, что ведет тебя на смерть такой совет. Своею волею не мог ты прийти сказать такое слово. Сила Божия привела тебя против твоей воли. И знаю я твое слово истинное».

10. И сказал Абу-Джафар: — Так. Знал я, что иду на смерть. И не хотел идти. И сын мой Джафар не хотел идти; и не хотел писать моего слова. Но велела ему писать сила Божия, и повела его со мною, как повела меня.

11. И сказал Шамиль: — Как быть! Знал я то, что не виноват он. Но молодой человек не умел бы после молчать,

что было это слово по воле Божией и что истинно оно. Нельзя было мне поступить с ним иначе.

12. И сказал Абу-Джафар: — А меня, ты помилуй.

13. И сказал Шамиль: — А что это было в руке у него? Написано было слово твое по слову Казы-Муллы, это конечно. Но было еще что? — От князя Воронцова было что-нибудь?»

14. И сказал Абу-Джафар: — Было. Но ты помилуй меня.

15. И сказал Шамиль: — Так я и понимал, что было. Поэтому и дал изрубить его бумаги с ним. Говори, что было.

16. И сказал Абу-Джафар: — Ты помилуй меня.

17. И сказал Шамиль: — И просить не о чем. Зачем же я и увел тебя от тех бешеных? — Сына твоего нельзя было оставить живого. А ты будешь говорить всем, что твое слово было лживое. От тебя вреда не будет. А выгода мне от тебя большая. Нечего тебе бояться.

18. И обрадовался Абу-Джафар, и припал к ногам Шамилевым, и целовал их.

19. И поднял его Шамиль и сказал: Ездил ты в Тифлис. Что там?

20. И сказал Абу-Джафар: — Идут на тебя полторы дивизии гяуров. И я сказал князю Воронцову, где найти тебя: в Хундзахе.

21. И сказал Шамиль: — Хорошо сказал ты. Съезжу в Хундзах, чтобы прав ты был перед князем Воронцовым. А как и где они пойдут?

22. И стал говорить Абу-Джафар. И когда рассказал все, сказал: — Так я узнал. И о тебе рассказал я им все, что велел ты сказать, ничего не забыл. И дал мне князь Воронцов за то тысячу рублей. И другую тысячу, чтоб я отвез к тебе ту бумагу. И два дня и две ночи молился я Богу, чтоб он научил меня, как не отдать ее.

23. И улыбнулся Шамиль, и сказал: — Все ты говорил хорошо, а в этом соврал: не по страху ты хотел утаить ее, — отдать мне одному втайне, какой же страх? А невыгодно было тебе, вот что.

24. И улыбнулся Абу-Джафар, и сказал: — Когда так, то правда. Жаль мне сына, а что бумага изрублена хорошо.

25. И сказал Шамиль: — Что же, предлагал князь Воронцов условия лучше прежних?

26. И засмеялся Абу-Джафар, и сказал: — Что изрублено, то изрублено.

27. И сказал Шамиль: Не бойся, не соблазнишь. Говори. Для соображения моего, не мешает же знать.

28. И сказал Абу-Джафар, какие условия для мира были в той бумаге.

29. И задумался Шамиль, и сказал: — Дураки гяуры, предлагать такие условия. Лучше, нежели я думал, хоть и знал глупость гяуров.

30. И испугался Абу-Джафар, и сказал: — Вот оно так и есть.

31. И сказал Шамиль: — Не пугайся, друг. Я только дивлюсь глупости гяуров. Половину б их силы мне, взял бы я и Москву их, не то что эти горы. А соблазнить меня не бойся: не соблазнят.

32. И обрадовался Абу-Джафар, и сказал: — Так не соблазняешься и на эти условия?»

33. И сказал Шамиль: — Нечего спрашивать у орла, какие условия примет он, чтобы дать подрезать свои крылья. — Теперь, этот разговор кончен, Абу-Джафар; и прошу тебя, доскажи, что там дальше в книге судеб. Там было о трех бомбах. Первая — на Кавказ; а те две на кого будут?

34. И сказал Абу-Джафар: — Что слышал от Казы-Муллы, все сказал. Больше не слышал. Потому что, как услышал: «смирится Кавказ», я очень испугался за такое слово, что должен сказать тебе такое слово при всем народе. И от испуга проснулся.

35. И сказал Шамиль: — Жаль. Надо бы мне узнать о тех двух бомбах.

36. И сказал Абу-Джафар: — Чего не знаю, того не знаю. Но, может быть, если помолюсь, откроет мне Бог.

37. И сказал Шамиль: — Хорошо. Молись. И замолчал.

38. И сидел Шамиль, и молчал. И сел Абу-Джафар, как садятся при совершении намаза, и молился в духе своем.

ГЛАВА 9

1. И встал Абу-Джафар; и знамение духа на лице его; и глаза его возведены вверх, и неподвижны глаза его, и раскрыты широко. И возопил Абу-Джафар.

2. В неправде рожден я, и полна беззакония жизнь моя. (3) Продажна душа моя, и алчет геенна пожрать душу мою. (4) Но правы видения мои и сила Божия говорит устами моими в видениях моих.

5. Возносится дух мой к Богу, и возвожусь я в духе на вершину Эльбруса. (6) Долины Грузии подо мною на юге; и море на западе; (7) и обращается лицо мое в духе на север.

8. И когда говорил Абу-Джафар: «обращается лицо мое в духе на север», вошел Арслан-бей и сказал: «Шамиль, пришли мюриды». (9) И сказал Шамиль Абу-Джафару: «Замолчи. Доскажешь в другой раз». И не замолчал Абу-Джафар, и говорил в видении своем:

10. На север обращено лицо мое и степь гяуров подо мною.

11. И дернул Шамиль Абу-Джафара за рукав одежды его, и покачнулся Абу-Джафар, и обозрелся, и увидел Шамиля и Арслан-бея, и удивился, и сказал Шамилю: «Не мешай же».

12. И сказал Шамиль Арслан-бею: «Держи его, а я завяжу ему рот». И снял тюрбан свой. И сказал Абу-Джафар: «Что такое?» — И сказал Шамиль: «Ничего». — И распустил тюрбан свой, а Арслан-бей взял Абу-Джафара за руки. И сказал Абу-Джафар: «Как?» — и задрожал и стал синий. — И сказал Шамиль: «Нельзя иначе, Абу-Джафар». И завязал ему рот тюрбаном своим. А Арслан-бей держал его.

13. И закричал Шамиль мюридам: «Войдите». — И вошли мюриды и сказали: «готово Шамиль». И сказал Шамиль: «Хорошо. Возьмите его. И смотрите, чтоб он не сорвал повязку. Он богохульствовал здесь».

14. И взяли мюриды Абу-Джафара и повели его. И вложили между двух половин расколотого дерева, выдолбленных, и связали половины. И положили пилу на грудь Абу-Джафару, на дерево против груди его.

15. И стоял народ, и смотрел; и стоял Шамиль, и смотрел. И говорил народ: «Так и хорошо обманщику». А мюриды пилили. А Шамиль говорил мюридам: — «Вы не торопитесь; подольше, будет лучше ему. Он хотел обмануть народ». — И пилили мюриды без торопливости. А народ говорил: «Так и хорошо ему. Он хотел обмануть народ».

16. И пилили Абу-Джафара, человека угодного Богу. Да помилует душу его Бог. Беззаконна была жизнь его. Но по воле Божией умер он. И молился за него Шамиль в сердце своем: Да помилует Бог душу его».

17. И когда распилили Абу-Джафара, сказал: «Бросьте тело его собакам». И взяли мюриды тело его бросить собакам.

18. А Шамиль пошел назад в дом свой.

ГЛАВА 10

1. И вошел Шамиль в дом свой, и пошел в покой особый свой дому своего. И Арслан-бей с ним.

2. И сказал Арслан-бей: разве он богохульствовал? Мне казалось не похоже на то. Было знамение духа на лице его.

3. И сказал Шамиль: — Так Богу было угодно, чтоб умер он, как велел Бог. И жаль мне, что рано пришли мюриды. Немножко бы еще и услышал бы я от него о тех двух бомбах, на кого они будут.

4. И сказал Арслан-бей: О тех двух бомбах. А точно. Понимаю, важно бы это. Может быть, те, на кого будут те бомбы, помогли бы нам, если бы сказать им.

5 И сказал Шамиль: Так.

6. И помолчавши, сказал Арслан-бей: Как же ты убил истинного пророка, Шамиль? Не хорошо. Грех перед Богом.

7. И сказал Шамиль: «Так надобно, Арслан-бей. Кто не делает так, не годится управлять народом. Вот, например, ты. Сражаться, ты хорош. А в правители не годишься. Потому что большая душа тебя, правдивая. Сердце у тебя справедливое. Ты не мог бы понимать, как должно правителю. Грех мне, говоришь ты. Нет: на том воля Божия. Когда поставил тебя Бог управлять народом, то и воля Божия на все, что надобно делать, по делам моим, чтобы оставаться на месте, на которое поставлен я». И помолчавши, сказал: «Арслан-бей, правдивая душа! Без обмана тут нельзя».

8. И сказал Арслан-бей: Но когда слово его истинное, то все равно сбудется же.

9. И сказал Шамиль: — Когда сбудется, то и сбудется. А пока сбудется, не надобно позволять, чтобы смущали народ и мешали нашему делу.

10. И помолчавши, сказал Арслан-бей: Но хоть бы о двух-то бомбах дать ему договорить.

11. И сказал Шамиль: — Хорошо бы, если бы можно. Но мюриды-то ждали бы; что подумали б они? — Видно Шамиль

верит истине его слов, когда заставляет нас ждать, подумали б они.

12. И сказал Арслан-бей: Так. А жаль, что не услышал ты о двух-то бомбах.

13. И сказал Шамиль: Я и сам сказал: жаль.

14. И сказал Арслан-бей: — Как же ты теперь, — где найдешь другого пророка, чтобы узнать?

15. И сказал Шамиль: Обойдусь. Что надобно мне видеть в видении, то я и сам все вижу.

16. И замолчал Арслан-бей. И замолчал Шамиль.

17. И сел Шамиль писать слова те, все от слова до слова, для научения детям своим, если кто из них будет править народом. Потому что этого не знает Шамиль, и не может видеть в видении, будет ли кто из его детей править народом. Потому что такова воля Божия. Что нужно видеть Шамилю, то дает ему Бог видеть в видении. А чего Бог не дает ему видеть, того он не знает.

18. И да будет воля Божия. И что написано в книге судеб, то написано. Но милосерд Бог и милостив. И может быть, кроме того, что сказал из книги судеб Казы-Мулла Абу-Джафару, там написано и еще что-нибудь. И может быть написано там, как спастись Кавказу и без покорности гяурам. Бог велик; и нет меры всемогуществу Его, и нет конца благодати Его к правоверным. — Так написал Шамиль Гумрийский.

Да будет препрославлен Бог!

ЗНАМЕНИЕ НА КРОВЛЕ

(По рассказу очевидца)

Не только простолюдины, везде и всегда легковверные, но и мюриды, и даже наобы — сами администраторы, опытные в делах управления, — все остались убеждены, что Абу-Джафар говорил по подкупу князя Воронцова, получил достойное наказание за обман; и все смеялись над его лживым словом. — Но не долго.

На пятую пятницу после страдальческой смерти несчастного марабута, — в то самое время, когда муэдзин, взбравшись на минарет или единственной, как мне показалось по характеру выражений рассказчика, или, если не единственной, то главной мечети в Гунибе, взвизгнул пронзительным голосом, призывая правоверных к утренней молитве, — в тот же самый миг пронесся над Гунибом, с той стороны, где дом Шамяля, другой крик, заливающийся перекатами еще более визгливыми и пронзительными, — козлиный крик, — чистейший козлиный крик, но чрезвычайной энергии.

Что такое? Неужели сбывается? — вздрогнул сам Арслан-бей, — хоть и человек вообще бестрепетного мужества, хоть и приготовленный, не ныне-завтра, услышать козлогласование, предсказанное пророком. Тем ужаснее, разумеется, затрепетали сердца других, менее бесстрашных и не ожидавших. Кто в чем был, — многие даже не надевши туфель, — бежали, как и сам Арслан-бей, к дому Шамяля, бежали, оглушаемые неутомимым и неимоверно звонким козлиным воплем.

И подбегая, видели: былое.

На кровле дома Шамяля стоял и блял совершенно по-козлиному, действительно, баран; очень обыкновенный с виду и даже не из казистых: самый простой баран, тускло-желтоватый, среднего роста, сухощавый, — словом, незавидный, простой баран.

Как подбегал кто, остолбеневал, и стоял молча, разинув рот, вытаращив глаза. Баран заливался с каким-то неистовством, будто в упоении восторга от своего искусства и звукового органа: задравши кверху голову, тихо поводил носом и раскрытым широко ртом, и драл горло по-козлиному с

силою десяти козлов.

Несколько минут было гробовое молчание в толпе под ужасом этих рулад.

И вдруг, зашумел народ, заколыхался, взволновался; взрывы шума заглушали даже неистово-пронзительное козлиное блеяние барана.

Выбежал на крыльцо Шамиль — и Арслан-бей, опомнившись, бросился стать подле него.

— Мириться! мириться! — был гвалт народа.

— Молчать, сволочь! крикнул Шамиль. Никого не испугал: был страх страшнее всякого Шамиля.

— Мирись с русскими! мирись! — кричал и подступал народ. Шамиль обратился к окружавшим его мюридам:

— За мной, друзья! Разгоним этих трусов!

Пять или шесть человек из мюридов взяли за шашки. Остальные пожали плечами: — Нет, Шамиль; когда народ глуп, то глуп; а когда прав, то прав.

Как тут было быть? — Если б один Гуниб — не велико бы горе, — или хоть бы только Кумыки, хоть и с Казы-Кумыками, пожалуй, — все бы не проиграно дело, если бы только. Но куда ни придет слух о блеянии барана по-козлиному, везде будет то же.

Шамиль стоял, хмуясь. А народ подступал: «Мирись с русскими. Мирись». — А баран заливался неумолкаемо своими шайтанскими козлиными перекатами.

— И как не стащили его до сих пор? — сказал Арслан-бей Шамилю.

— Да, как не стащили? сказал Шамиль мюридам, тем, которые еще держались за шашки.

— Не было приказания от тебя.

— Правда! — проговорил Шамиль, стиснув зубы, и холодный пот выступил на лбу старика: струсил я, Арслан-бей, растерялся: сидел, как дурак, пока опомнился от крику народа, и выбежал: — Шамиль струсил, Арслан-бей — а? — Шамиль трус!

— Нечего тут стыдиться, Шамиль. и нельзя называть себя трусом за это, — сказал Арслан-бей: Такой случай, как не растеряешься? И со мною то же было: одурел я совсем.

— Плохо дело, Арслан-бей.

— Плохо, Шамиль. — А народ подступал: «Мирись! мирись!»

— И ума не приложишь, как быть с ними, сказал Шамиль уныло. Но вслед за тем и оживился: находчивость ума воскресла,

— Дурачье, с чего беснуетесь-то? Какой тут страх, что тут за знаменье, какое тут диво? — Должно быть вырвался баран, когда хотел зарезать его кто из таких шелопаев, как те вот, которые кричат: «Мирись». Такому ротозею, ослу и барана не сумеешь зарезать, как следует; напугал барана и упустил. С перепугу это орет баран так. Во и все диво. С перепугу, не то что по-козлиному, может заорать и по-коровьему, и по-лошадиному. Понимают это, я думаю, кто здесь умные люди. Не все же кричат.

— Нашел дураков обманывать! Рассказывай! — закричал народ: — Да что ты нас обижаешь-то? Шалопаи мы, потвоему, ротозеи, ослы. — Смотри, Шамиль, не поплатиться бы тебе за это!

И некоторые в народе уж выхватывали шашки. А мюриды, кроме пяти, шести, пожимали плечами и говорили: «Нет, Шамиль, народ не всегда дурак. Иной раз и прав бывает».

— Дети мои... братья мои... — начинал Шамиль опять заговаривать с народом. Народ не давал ему выговорить слова: «ты обидел нас! Еще и трусами назвал! и сволочью! Поплатишься! Мирись! мирись!»

— Не слушают; шутя и бросятся изрубить, — сказал Арслан-бей. — Уйдем. Выпросим время подумать. Закричал народу: Друзья, дайте Шамилю время подумать. Сначала не хотели слушать. Он уговаривал, упрашивал.

— Отвечаешь ли за то, что отсрочка не будет в обман? — стали соглашаться.

— Отвечаю, сказал Арслан-бей.

— Хорошо. Твоему слову верим. Даем Шамилю время подумать до следующего намаза.

— Братья, оцепим двор, караулить, закричали из толпы.

— Так, так, подтвердили все.

Обидно показалось это Арслан-бею: он привык, что его слову верили. — Братцы, как же это? Меня под караул?

— Не тебя. Ты нас не обманешь. Но Шамиль и тебя и нас обманет. Известный обманщик. И Абу-Джафара погубил за правду, обманувши нас. Кровь праведника на нем.

Некоторые даже кричали: «Шамиль хуже гяура!» — «Шамиль хуже пса!» — «Шамиль проклят от Бога!»

Шамиль скрежетал зубами, и порывался броситься с шашкою на толпу. Здоровый мужчина, хоть уж и не молодой был тогда. Но Арслан-бей имел атлетическую силу и удерживал его; и получивши позволение от народа, насильно увел в дом. Отвел в особую комнату, усадил.

— Труссы! Неблагодарная сволочь! говорил Шамиль и сидел, стискивая шашку.

— Шашкою тут ничего не сделаешь, сказал Арслан-бей: Надо придумать что-нибудь.

Шамиль будто не слышал. Сидел, понуря голову.

— Плохо дело, об этом и спору быть не может, сказал Арслан-бей: — но все же, может быть, и придумаешь как-нибудь, если подумаешь поспокойнее.

Шамиль усмехнулся. — Досадно только, Арслан-бей. А придумывать, нет надобности ломать голову теперь. Предвидено; стало быть и обдумано.

— Как же?

— Простое дело. Только выгоды от него мало. Как бы те две бомбыгодились, приятнее бы. А то, не годятся. И должно дело поэтому не иметь никакой пользы нам.

— А те две бомбы не годятся?

— Ни к чему.

— Да ты знаешь о них?

— Знаю.

— Имел видение о них?

— Имел. Ты ему так и скажешь: было видению Шамилю. Стало быть и сомнения тут не должно быть у него: так будет!

Вторая бомба полетит на Турцию. И истребит Стамбул. И землетрясением и осколками опустошит землю на сто часов пути кругом. И развалинами завалит Босфор.

Третья бомба — на Австрию. И истребит Вену. И землетрясением и осколками опустошит землю на сто часов пути кругом. И развалинами завалит Дунай и все реки и озера на пятьдесят часов пути кругом.

Стало быть на эти бомбы нечего рассчитывать, чтоб от страха перед ними была помощь нам. Турция — страна правоверных, оно так. Но годится она лишь на то Кавказу, чтобы черкесы имели куда продавать дочерей. Кроме, ни к чему. Гнилая трость и сломится под рукой опирающегося на нее, и ранит руку. — И Австрия не лучше, сколько я слыхивал.

«Сколько я слыхивал»!, — запало это в душу Арсланбея. Простой был человек он; и мог иногда казаться недалеким, потому что никогда не хитрил. Но я могу сказать по личному знанию: не был обделен умом этот прямодушный человек. «Сколько я слыхивал», — это что-то не похоже на видение. Хотел он заметить Шамилю: «Да уж говори, ты сам так сообразил», — но не ко времени терять время. Промолчал он.

— Вот потому-то и горько, — продолжал Шамиль: — у кого силы нет, между теми еще есть люди, как люди. Вот хоть бы мы с тобой, к примеру. А у кого могла бы быть сила, — и есть, может быть, — сами-то ни к чему неспособные люди. Ну, да не о том речь. О бомбах дело. От тех двух пользы нет. Но дело не кончится на них. Пустивши их урусы начнут делать еще. То было три, — значит, четвертую. На кого, не открыл мне Бог. Но то верно, что начнут делать. Только, будет уж недоставать у них ни железа, ни пороху, ни работников. Потому что, слышал ты сам: Магер-Шалал-Хах-Базо — сильный этим Потрясателем земли скоро разорится. Не такое еще будет разорение ему, но и это будет, попрежде того: ни железа, ни пороху, все истрачено, на те три бомбы; ни работников — заморены работники над теми. Однако же охота сильная: сам ты слышал, это оружие Хадергет, сила геенны в этом оружии. Кто раз отдал душу Иблису, тому уж не вырвать ее из-под управления Иблиса. И будет Иблис заставлять урусов делать четвертую бомбу, хоть обнищали они и от тех трех. Сами, может быть, не же-

ляли бы, а будут делать: Иблису отдали души свои.

Ну, слушай же, Арслан-бей, как дальше открыл мне Бог. Будут делать урусы четвертую бомбу, а другие-то гяуры не глупее ж их. Хоть три бомбы и проворонили, но по короткости времени, потому что не знали заранее. А теперь, скажут: «стой, парень-урус, довольно пошалил иблисовой игрой». И сложатся другие гяуры — немцы и французы и англичане, — и легко им вместе сделать Потрясателя Земли и бомбы еще гораздо больше тех.

Сделают Потрясателя Земли и две бомбы, втрое больше тех продолжал Шамиль: и опустят одну бомбу на Петербург; истребит она его, и опустошит Россию на триста часов пути кругом. Другую бомбу пустят на Москву и истребится Москва и опустошится Россия на триста часов пути кругом. И мало останется живых людей в России, только по самым дальним углам кое-кто. А вся Россия на триста часов пути кругом Петербурга и кругом Москвы будет пустыня в развалинах без живых людей. Так исполнится название Потрясателя Земли, — помнишь Арслан-бей! Магер-Шалал-Хаз-Базо, Сильный оружием вскоре разорится.

— Помню, как не помнить! отвечал Арслан-бей. И понимаю все теперь.

Шамиль посмотрел на него: Что же ты понимаешь?

— Понимаю, что ты хорошо сообразил, Шамиль. Оно точно, так должно быть.

Шамиль посмотрел на него еще, опустил глаза, подумал: Хорошо; так, то пусть по-твоему. Мы с тобою свои люди. — Поезжай же ты, Арслан-бей, к Пожирателю Книг. Ищи его в том городе. Не там он, то можно узнать где. У гяуров так заведено, что известно обо всяком начальству.

— Понимаю, не толкуй. Найду, не бойся.

— Отдашь Пожирателю Книг эту книжку, в которой написано мной все видение Абу-Джафара; и перескажи все, что слышал теперь от меня о бомбах на Турцию и Австрию, и о разорении России. Если Пожиратель Книг поверит, бросит выдумывать свою машину. Не поверит, ты убьешь его. — Смотри же хорошенько, можно ли оставить его в живых. Я надеюсь на тебя, как на себя самого.

— Не опасайся, Шамиль, сказал Арслан-бей. Оно правда, иной раз по жалости к людям, делаю не совсем как следовало бы. Но отпустить живым какого-нибудь генерала, от этого не велика беда Кавказу. А тут совсем иное дело. Думаю, что придется убить Пожирателя Книг. Будь он и добрый человек, и пусть кажется, что на его слово можно положиться, а убить, — это будет вернее. — Значит, в дорогу. Схожу проститься с женой и с детьми. Дорога опасная.

— Месяц буду ждать тебя назад. После месяца подожду еще полгода, сказал Шамиль.

— Ну, а не ворочусь и через полгода с месяцем?

— Тогда посмотрю, как быть. Подожду слухов, когда начнут делать бомбы. Оно, положим, будет это втайне. Но слухам нельзя же не быть. Кто не знает, тому и останется непонятно; а мне известно, могу понять, что такое делают втайне.

— Тогда будешь мириться?

— Тогда ничего другого не остается. — Шамиль вздохнул. — Однако, народ ждет. Пойдем сказать. — Он отдал Арслан-бею книжку, в которой описал видение Абу-Джафара.

Вышел на крыльцо. — Народ столпился: — Ну, что скажешь?

— Братья, начал Шамиль, у гяуров есть поговорка: голос народа — голос Божий. Есть, видно, и у гяуров кое-что правдивое в мыслях. Поищем же правды у гяуров. Посылаю Арслан-бея.

— Хорошо, хорошо, закричал народ. И не догадался даже потребовать определительных слов, куда и зачем едет Арслан-бей.

А баран продолжал блять по-козлиному.

— Братья, сказал Шамиль, этот проклятый слуга шайтана сделал свое дело. Стащите его с кровли, зарежьте. И мясо бросьте собакам, сами не ешьте: он слуга шайтана, он проклятый.

— Так, так, говорил народ. Он слуга шайтана.

— Вот и подготовлено, чтобы дело опять повернулось, как надобно Шамилю, подумал Арслан-бей. Баран — слуга

шайтана; шайтан — обманщик; шайтан приятельствует гяурам, старается вредить правоверным. Дня через два для народа будет явное дело: баран понапрасну смущал правоверных, надобно смеяться над шайтаном: не удалось проклятому шайтану обмануть народ. И каждый будет говорить, что он с самого начала понимал это; только дивился глупости других: чего пугаются? Как не понимать, что это шайтанова проделка, — он с самого начала понимал это, будет говорить каждый.

А между тем тащили с кровли барана. Иди, иди, шайтанов сын, — покрикивал на него народ. Бедный баран упирался и продолжал во весь дух блеять по-козлиному. Но стащили-таки его и зарезали. И прекратилось его козлогласование.

Приложение

Я. Гордин

**ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
– ЖЕРТВА ШАМИЛЯ**

К названию очерка, конечно же, нельзя относиться вполне всерьез, но, как мы увидим, оно восходит к тексту самого Николая Гавриловича.

Кавказ, Кавказская война иногда возникает в русской культуре в совершенно неожиданном облики. Так было в этом случае.

Разумеется, Чернышевский, как человек чрезвычайно чуткий к политической реальности, внимательно следил за событиями на Кавказе, насколько это позволяла доступная тогда в России информация. Во всяком случае он имел достаточно верное представление о том, что на Кавказе происходит.

В 1854 году в «Современнике», № 7, в разделе «Иностранные известия», Николай Гаврилович, в частности, рецензирует книгу немецкого путешественника барона Гакстгаузена «Закавказье»: «...Единственная замечательная книга о странах, где теперь театр войны “Закавказье, очерки народов и племен между Черным и Каспийским морями”».

Ясно, что речь в книге не только о Закавказье, но прежде всего именно о Кавказе, который лежит «между Черным и Каспийским морями».

И далее идет любопытный и симптоматичный текст: «Автор знаменитого путешествия, коротко узнав Россию, полюбил ее, и его “Закавказье” проникнуто симпатией к России и русскому владычеству за Кавказом. Английские рецензенты, конечно, называют это если не пристрастием, то предубеждением. В самом деле, барон Гакстгаузен до того предубежден, что думает, будто бы “поддерживая гражданский порядок в закавказских областях и цивилизуя их, русские пролагают пути цивилизации и в прилежащие азиатские страны”. Сколько мы можем быть судьями в собственном деле, нам кажется, что эта истина довольно простая: если память нас не обманывает, в ней даже не думали сомневаться до начала войны ни англичане, ни французы. Как бы то ни было, книга барона Гакстгаузена, по признанию самых недовольных английских рецензентов, полнейшее и вернейшее изображение нравов закавказских племен и настоящего положения Закавказья».

Чернышевский, стало быть, как и барон Гакстгаузен, считает, что «российское владычество» несет «гражданский порядок» на Кавказ и цивилизует его.

И когда по старой доброй советской традиции утверждают иногда, что революционные демократы были на стороне борющихся с царизмом народов Кавказа, то это не совсем соответствует действительности.

В 1855 году в № 1 «Отечественных записок», в которых Чернышевский тогда еще публиковался одновременно с сотрудничеством в «Современнике», он с энтузиазмом сообщает: «Долгом поставляем также обратить внимание читателей на прекрасную газету “Кавказ”, издаваемую под редакцией г. Вердеревского. Это издание включает в себе драгоценные местные сведения о прошлой и нынешней жизни той любопытной страны, которой имя она носит... и сверх того сообщает, что “Кавказ” будет издаваться в нынешнем году. В каждом его номере будут помещаться: 1) главные правительственные распоряжения, замечательнейшие известия из России и высочайшие приказы по отдельному Кавказскому корпусу и войскам, к нему прикомандированным; 2) летопись Кавказского края; 3) военные известия с Кавказа и с закавказско-турецкой границы; 4) важнейшие иностранные известия; 5) статьи учено-литературного содержания, преимущественно (но не исключительно), относящиеся к истории, этнографии и статистике Кавказского и Закавказского края».

Энтузиазм Николая Гавриловича понятен — Кавказ его явно интересовал и теперь появлялся полноценный источник сведений как по истории, так и по современному положению края.

Когда в 1859 году Добролюбов опубликовал в «Современнике» обширную статью «О значении наших последних подвигов на Кавказе», то Чернышевский его консультировал. Статья демонстрирует подробное — почти без фактических ошибок — знание истории Кавказской войны и ее завершающего этапа.

Вообще Кавказ в разных аспектах постоянно мелькает в текстах Чернышевского.

В 1861 году, когда шло интенсивное завоевание Западного Кавказа, он писал в мартовском номере «Современника», высмеивая полицейскую систему Меттерниха: «Система эта возникла из незнания об истинном положении дел... Меттерних просто не знал государства, которым управлял; вся беда произошла оттого, что он, не потрудившись познакомиться с управляемыми племенами, предположил их враждебными, когда они еще и не думали быть враждебными... вообразил, будто он должен управлять какими-то чеченцами, лезгинами, шапсугами, у которых за каждым холмом, на каждой поляне таится Шамиль или Казы-Мулла, готовый выскочить на борьбу с ним...»

То есть Николаю Гавриловичу была ясна степень отторжения горскими племенами русского владычества. И если чеченцы и лезгины — Восточный Кавказ — были давно на слуху, то шапсуги, одно из крупнейших племен Западного Кавказа, оказались в поле зрения русской публики совсем недавно. Чернышевский внимательно следил за происходящим на Кавказе.

А в декабре того же года в программной статье «Не начало ли перемены?», опубликованной в «Современнике», он выбирает кавказский сюжет для принципиального противопоставления: «Мы нашли ближайшую причину той невозможности защитить свои права, которая заставляет дюжину людей в народе безответно переносить страдания и неприятности, не обнаруживая даже злобы на обидчиков. Но ведь если всмотреться в эту частную ближайшую причину, то она сама требует объяснения. (Понятно, что безответно подчинился тяжелому и оскорбительному чеченскому порядку обращения русский пленник, увиденный в Гергебиль или Гуниб мюридами Шамиля. Он был один против сотни, против тысячи людей. А здесь наоборот.)»

Знание Чернышевским кавказской ситуации было достаточно конкретно. В письме отцу в Саратов от 8 сентября 1859 года он писал: «Здесь много говорят о взятом в плен Шамиле. Для него приготовлено помещение в Таврическом дворце и вообще он будет принят с большим почетом. Насмотревшись на него, предложат ему избрать для жи-

тельства Казань или Киев. Слава Богу, теперь Кавказ не будет поглощать ежегодно по 25 000 русских солдат; одна из тех язв, которые истощали Россию, закрывается».

Чернышевский весь 1858 год был редактором «Военного сборника», издания вполне официального и при этом глубоко замечательного, куда стекалась самая разнообразная информация — в том числе и с Кавказа. Так что цифра — 25 000 ежегодно погибающих на Кавказе в боях и от болезней солдат, очевидно, имеет под собой основу. Но по существу, Чернышевский заблуждался. Предстояло еще пять лет войны на Западном Кавказе. В частности, с теми же шапсугами...

Пленение Шамиля и его появление в Петербурге, как событие не только значительное по своему смыслу, но и парадоксальное по отношению к нему публики, привлекало внимание круга Чернышевского. В сатирическом приложении к «Современнику», журнале «Свисток», № 2, Добролюбов запечатлел эту уникальную ситуацию: «Во всех книжных и эстампных магазинах Петербурга портреты Гарибальди заменены уже портретами Шамиля! К этому мы были совершенно не подготовлены! Между тем, в публике поднялся такой энтузиазм к Шамилю, какого не бывало во время посещения России Дюмою... При том же мы были совершенно озадачены г. Горяиновым, который в Северной Пчеле доказал, что мы ходим смотреть на Шамиля вовсе не с тем чувством, как на Дюму; что мы все одушевлены теперь не простым любопытством, а самым патриотическим желанием повесить и растерзать в клочки ужасного иностранца, с которым обходятся так несправедливо, т. е. прилично и гуманно. Против такого воззрения на Шамиля с русской точки мы уже ничего не можем возразить».

Добролюбов иронизировал не напрасно. Восторг столичной публики при виде Шамиля и в самом деле мог поставить в тупик. Г. Горяинов, конечно же, был не прав. Есть свидетельства современников, что когда Шамиля возили по улицам Петербурга, из толпы кричали: «Мы вас любим!»

Ажиотаж по поводу и замирения Чечни с Дагестаном, и прибытия пленного имама в Россию понятен. Это были животрепещущие события. Общество начинало осознавать значение Кавказа и Кавказской войны для России.

Но трудно было представить, что уже после суда и приговора, находясь в каторжной тюрьме Александровского завода в Забайкалье, Николай Гаврилович напишет самое загадочное свое сочинение, героем которого будет Шамиль, а местом действия — аул Гуниб, последняя резиденция имама, в которой он и был пленен.

Очевидно, глубоко волновал его Кавказ, очевидно, ясно осознавал он особость кавказского мира, если через десять лет после пленения Шамиля, десять лет, наполненных трагическими для него событиями, он использует свое знание о Кавказе для создания пророческого текста, повествующего о судьбах мира и его собственной судьбе...

Владимир Галактионович Короленко в воспоминаниях о Чернышевском, с которым встречался в Саратове незадолго до его смерти, счел нужным пересказать некую, как он выражается «импровизацию» Чернышевского, хотя к их встрече она никакого отношения не имела. Очевидно, Короленко понял, что в этой странной истории есть некий важный для Чернышевского смысл: «Мой брат передавал мне одну импровизацию Чернышевского. Эту легенду-аллегию он слышал, к сожалению, из вторых уже рук: ему рассказывала племянница Чернышевского, под свежим впечатлением очень яркого, живого юмористического рассказа самого Николая Гавриловича. Брат передавал ее мне тогда же, но теперь мы оба восстановили в памяти лишь некоторые черты, один остов этой аллегории. Я привожу ее все-таки, так как в ней есть характерные черты и проглядывают отчасти взгляды Чернышевского в последнее время на свою прошлую деятельность.

Когда-то, во время кавказской войны, Шамиль спросил одного прорицателя об исходе своего предприятия. Прорицатель дал ответ очень неблагоприятный. Шамиль рассердился и велел посадить пророка в темницу, а затем приговорил его к казни ввиду того, что его предсказание вно-

сило уныние в среду мюридов. Перед казнью пророк попросил выслушать его в последний раз и сказал: “В эту ночь я видел вещий сон: есть где-то на свете дом, в этом доме ученый человек сидит много лет над рукописями и книгами. Он придумает вскоре такую машину, от которой перевернется не только Кавказ и Константинополь, но и вся Европа. А будет это тогда, когда бараны станут кричать козлами”.

Шамиль задумался и хотел помиловать пророка, но мюриды возмутились еще больше: не ясно ли, что пророк сеет в рядах правоверных напрасное уныние, — где же видано, чтобы бараны кричали козлами?

И пророка казнили. Но когда стали готовиться, чтобы отпраздновать тризну по казненному, то один из баранов, назначенный к закланию, вырвался из рук черкеса и, вскочив на крышу Шамилевой сакли, закричал три раза козлом.

Тогда Шамиль ужаснулся и, призвав самого верного из своих адъютантов, дал ему денег и велел ехать по свету, во что бы то ни стало разыскать неизвестного ученого и убить его прежде, чем он успеет окончить свою работу.

К сожалению, я совсем не знаю подробностей путешествия адъютанта по разным странам. Слышавшие этот рассказ говорили, что описание этих поисков представляло настоящую юмористическую поэму. Теперь приходится ограничиться тем, что адъютант действительно разыскал ученого и, кажется, именно в Петербурге. Он застал его, окруженного книгами, в кабинете, в котором топился камин. Ученый сидел напротив огня и размышлял. Когда адъютант Шамиля объявил ему, что он долго его разыскивал, чтобы убить, ученый ответил, что он готов умереть, но просил дать немного времени, чтобы покончить свои дела и планы.

— Ты хочешь привести в исполнение то, что у тебя здесь написано и начерчено? — спросил его мюрид.

— Нет, я хочу все это сжечь в камине, чтобы никто не вздумал выполнить то, над чем я так долго трудился, считая, что работаю для блага людей. Теперь я пришел к заключению, что я ошибался!..

— Вы — были этот ученый? — спросила Чернышевского одна из слушательниц.

— Нет, я — тот баран, который хотел кричать козлом, — ответил он с добродушной иронией, с которой часто говорил о себе. В дальнейшие комментарии он не пускался, предоставляя, по своему обыкновению, слушателям делать самим те или другие заключения».

Короленко ошибался. Это была вовсе не устная импровизация, хотя не исключено, что Чернышевский и пересказывал этот сюжет.

В конце шестидесятых годов, как уже говорилось, в каторжной тюрьме Александровского Завода Чернышевский написал, а в 1871 году переправил в Петербург сочинение под названием «Кормило кормчему». К большому тексту был приложен меньший, являющийся фактическим эпилогом — «Знамение на кровле», с многозначительным подзаголовком «по рассказу очевидца». <...>

* * *

Но в устном пересказе, который дошел до Короленко, есть эпизод, которого не оказалось в тексте письменном. Очевидно, Николай Гаврилович и в самом деле импровизировал на эту тему.

И к этому мы еще вернемся.

Вряд ли мы сможем полностью разгадать аллегория, в которой явно зашифрованы были Чернышевским соображения и о собственной судьбе, и о судьбе России, и о судьбе мира.

Но нам важно то, что в качестве места действия и пространства главного сюжета выбран Кавказ.

Марабут — мусульманский святой — Абу-Джафар является на Кавказ из Алжира. Джурджурские горы — вполне реальная местность в Алжире, где жили воинственные кабилские племена, бывшие главной опорой эмира Абд-эль-

Кадера — «алжирского Шамиля», пятнадцать лет успешно сопротивлявшегося французским завоевателям.

Чернышевский, судя по тексту, хорошо знал историю завоевания Алжира. В «Военном сборнике» было опубликовано в разные годы немало работ русских офицеров, посвященных анализу алжирской войны и сопоставлению алжирского опыта с кавказским. И то, что Абу-Джафар является на Кавказ из Алжира после пленения в 1847 году Абд-эль-Кадера, чтобы предсказать Шамилю его поражение, имеет свою несомненную логику.

К опыту алжирской войны присматривались и высшие российские власти. Судьба Шамиля после его пленения князем Барятинским повторяет судьбу Абд-эль-Кадера, с которым французы обошлись столь же гуманно.

«Двадцатое лето дней Шамиля и десятое лето дней князя Воронцова» — это 1854 год. Почему Чернышевский выбрал именно эту дату — трудно сказать. И почему Кавказ по пророчеству первого имама Кази-муллы, пророчеству, провозглашенному Абу-Джафаром, должен погибнуть в дни Воронцова — тоже неясно. Чернышевский прекрасно знал, что Шамиль был разбит и пленен в 1859 году и не князем Воронцовым.

Гадать бесполезно.

Важно другое. Важно и значимо — каким образом произойдет гибель Кавказа.

Кавказ выбран первой целью ужасающего оружия, в создании которого повинен Пожиратель Книг. История Пожирателя Книг, родившегося в большом городе на самой большой реке в земле гяуров, то есть в Саратове, — это иронически поданная история самого Чернышевского.

Пожиратель Книг, изучив интегралы, конструирует могучую машину для облегчения труда людей. Но молодой Чернышевский с 1848-го по 1850-й год упорно пытался сконструировать вечный двигатель...

Впрочем, интереснее другое — мирные разработки Пожирателя Книг используются для создания гигантской силы бомбы, по описанию весьма напоминающей атомную — «сила воспламенения ее, как сила пламени геенны».

Вообще, все, что связано с действием бомб, удивительным образом напоминает ядерную войну.

Но еще удивительнее другое пророчество — разорение России от изготовления этих бомб — «сильный оружием вскоре разорится» — и последующая «гонка вооружений», когда немцы, англичане и французы начнут делать еще более мощные бомбы.

Но для нас это все второстепенные элементы основного сюжета.

Загадочна фигура Абу-Джафара Продажной Души, и в то же время марабута — святого, «угодного» в Алжире и французам и Абд-эль-Кадеру, а на Кавказе — и Воронцову и Шамилю.

Абу-Джафар и провокатор, выполняющий поручение Воронцова, и пророк истинный, предсказывающий гибель Кавказа.

Весьма интересен и мятущийся Шамиль, предчувствующий свою катастрофу и коварно обманывающий марабуту, обрекая того на изуверскую казнь.

Святого Двuruшника Абу-Джафара — и Шамиль изумляется: как такой человек может быть святым? — Бог заставляет идти пророчествовать и погибнуть. Естественная участь пророка. Но почему пророк в прежней жизни должен быть двuruшником и провокатором?

Все двойится в «Кормиле кормчему», все противоречиво. И можно предположить только общий смысл сочинения — история человечества невнятна, абсурдна, лишена внятных нравственных критериев.

В устной импровизации, дошедшей до Короленко, есть, однако, один поворот сюжета, отчасти только совпадающий с писанным текстом.

Шамилю, казнившему Абу-Джафара, самому было видение о гибели Кавказа и значительной части остального мира. И он посылает своего лучшего мюрида Арслан-бея на поиски Пожирателя Книг: «Отдашь Пожирателю Книг эту книжку, в которой написано мною все видение Абу-Джафара; и перескажи все, что слышал от меня о бомбах на Турцию и Австрию и о разорении России. Если Пожиратель

Книг поверит, бросит выдумывать свою машину. Не поверит, ты убьешь его».

Это, собственно, сюжет фильма «Терминатор».

Судя по финалу импровизации и разговору самого Короленко с Чернышевским незадолго до его смерти, Николай Гаврилович принципиально переоценил свое радикальное прошлое. В «Кормиле кормчему» и в «Знамени на кровле» речь, конечно же, идет не об изобретении машины, а о смысле человеческой деятельности вообще — об изряда вон выходящем деянии, последствия которого невозможно предсказать.

Сквозь фантастический сюжет сочинения, конечно же, настойчиво проступает российская реальность. Дело отнюдь не только в печальной судьбе СССР, надорвавшегося на своем ВПК. Николаевскую Россию — и Чернышевский это знал — постигла та же участь. Нарращивание военной мощи не только оказалось бесплодным в Крымскую войну — «Будут делать урусы четвертую бомбу, — а другие-то гяуры не глупее ж их... и легко им сделать Потрясателя Земли и бомбы еще гораздо больше тех», — но империю постигла и финансовая катастрофа. Страна была еще с екатерининских времен не в состоянии оплачивать те войны и содержать ту армию, без которой русские августейшие особы не мыслили существования государства.

Гигантская бомба — «сила геенны в этом оружии» — предназначалась прежде всего, как уже знаем, Кавказу. Одной из причин финансового краха империи в середине XIX века была именно бесконечная Кавказская война — по выражению Чернышевского, «одна из тех язв, которые истощали Россию».

Вполне возможно, что Николай Гаврилович знал не только цифры потерь человеческих, но и потерь финансовых.

Если сопоставить фразу из письма пятьдесят девятого года и текст «Кормила», то кое-что проясняется.

Текст «Кормила» рождает множество догадок. Почему, например, в качестве второй и третьей цели для страшных русских бомб выбраны Турция и Австрия? Быть может, потому, что обе эти страны сыграли роковую роль в Крым-

ской войне? Конфликт с Турцией, отказавшейся принять требования Николая, стал прямым поводом к войне, а совершенно неожиданная позиция Австрии поставила Россию без союзников лицом к лицу с мощной англо-французско-турецкой коалицией. За несколько лет до того Николай спас Австрийскую империю, направив стотысячный корпус под командованием Паскевича на подавление венгерской революции, с которой австрийцы справиться не могли. И, соответственно, он рассчитывал на благодарность Австрии, а получилось нечто совершенно иное — под угрозой вступления Австрии в войну на стороне Турции Николаю пришлось с позором отступить из Дунайских княжеств.

Любопытен и возможный намек на собственную судьбу в разговоре Шамиля и Арслан-бея о судьбе Пожирателя Книг. «Не опасайся, Шамиль... оно правда, иной раз из жалости к людям, делаю не совсем как следовало бы. Но отпустить живым какого-нибудь генерала, от этого не велика беда Кавказу. А тут совсем иное дело. Думаю, что придется убить Пожирателя Книг. Будь он и добрый человек, и пусть кажется, что на его слово можно положиться, — а убить, это будет вернее».

Надо вспомнить, что те, кто организовал «дело Чернышевского», понимали всю фальшь доказательств его вины. Но — «будь он и добрый человек, и пусть кажется, что на его слово можно положиться, — а убить, это будет вернее».

Дело было демонстративно сфабриковано, чтобы наверняка убрать из общественной и политической жизни столь влиятельную фигуру. Понимая это, Чернышевский вряд ли рассчитывал когда-либо вернуться из сибирской ссылки — «убить, это будет вернее».

Если эта догадка имеет под собой основания, то возникает параллель: Шамиль и его мюриды — Александр II и его жандармы.

Так или иначе, но размышляя о своей судьбе, о своих прошлых замыслах, о своем будущем, Николай Гаврилович в тюрьме Александровского Завода решил разработать эту проблематику именно на кавказском материале, проч-

но встроенном для него в российскую историческую реальность.

Разгадывать «кавказский ребус» Чернышевского можно без конца. Но стоит задать себе еще один принципиальный вопрос — что означает «Кормило кормчему»? Быть может, это призыв? Мир, стянутый к пространству Кавказа, последней резиденции Шамиля — Гунибу, лежит в хаосе, жестокости, безумии. Люди готовят гибель себе подобным. Люди преследуют пророков, а пророки оказываются продажными душами.

Так, может быть, пора вручить кормило истинному Кормчему, который усмирит хаос и воспротивится безумию? Вспомним финал этого текста: «И да будет воля Божия. И что написано в Книге судеб, то написано. Но милосерд Бог и милостив. И, может быть, кроме того, что сказал из Книги судеб Казы-Муллы Абу-Джафар, там написано и еще что-нибудь. И может быть, написано там, как спастись Кавказу и без покорности гяурам. Бог велик; и нет меры всемогуществу его, и нет конца благодати к правоверным. Так написал Шамиль Гумрийский.

Да будет прославлен Бог!»

Источники

Вошедшие в книгу произведения, в числе других, были переданы Н. Г. Чернышевским в Петербург О. С. Чернышевской в январе 1871 г. Затем они были переданы А. Н. Пыпину и после смерти последнего были найдены в его бумагах М. Н. Чернышевским, который опубликовал их в части I тома X ПСС Чернышевского (СПб., тип. и лит. В. А. Тиханова, 1906).

Тексты публикуются по указанному изданию с исправлением некоторых опечаток; орфография приведена в соответствие с современными нормами. Пропущенный в издании 1906 г. фрагмент гл. 10 «Кормила кормчему» фрагмент по дополнительному XVI тому ПСС Чернышевского (М., ГИХЛ, 1953).

Текст статьи историка и литератора Я. А. Гордина «Чернышевский – жертва Шамиля» публикуется по его книге «Зачем России нужен был Кавказ: Иллюзии и реальность» (СПб., 2008) с некоторыми сокращениями, связанными с тем, что автор полностью включил в свой текст диалогию Чернышевского.

Оглавление

Кормило кормчему	5
Знамение на кровле	27
Приложение	
<i>Я. Гордин.</i> Чернышевский – жертва Шамиля	36
И с т о ч н и к и	49

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.